

Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, Л., Изд-во «Наука», 1974

С 1972 г. на юге Узбекской ССР начала работать Бактрийская экспедиция, организованная Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и Институтом археологии АН УзССР. Исходя из необходимости оперативно информировать о результатах археологических исследований, руководство экспедиции предприняло издание предварительных отчетов об археологических работах, проводящихся на территории древней Бактрии. Предметом рассмотрения настоящей рецензии стал первый выпуск сборника, в котором освещаются результаты исследований 1972 г., и публикуются статьи не только сотрудников Бактрийской экспедиции, но и экспедиций других научных учреждений, проводивших археологические изыскания на территории южной части Узбекской ССР.

Открывается сборник статьей В. М. Массона «Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исследования)». Это несколько сложное название отражает сам характер статьи, являющейся, в сущности, комплексом из пяти взаимосвязанных эссе: 1) краткая история изучения городской культуры древней Бактрии; 2) основная направленность работ Бактрийской экспедиции; 3) суммарная характеристика основных результатов археологических исследований экспедиции в 1972 г.; 4) ирригационные районы Северной Бактрии и их взаимосвязь с городскими центрами; 5) основные проблемы истории древнего города и среднеазиатские материалы для решения их.

Наибольший интерес (что и естественно) вызывают второй и пятый разделы статьи В. М. Массона. Касаясь программы работ Бактрийской экспедиции, автор следующим образом определяет задачи ее: «Многолетние стационарные раскопки одного из крупнейших городских центров Северной Бактрии и получение массового археологического материала, характеризующего его структуру, древние производства, быт, культуру и общественную организацию непосредственных производителей... В неотрывной связи с этой задачей стоит вопрос изучения городской округи, предусматривающий раскопки сельских поселений и усадеб и получение материалов для характеристики жизни рядовых общинников и реконструкции аграрных отношений» (стр. 3—4). Нам представляется, что наиболее ценным в этой четкой и целенаправленной программе являются не только планы глубокого и всестороннего изучения города (особенно в сфере производства и быта непосредственных производителей), но и последовательно проводимая идея тесной связи города и его сельскохозяйственной территории. Это глубоко справедливо, ибо такова была сама природа древнего города, который, как правило, существовал в неразрывном единстве с сельскохозяйственным окружением.

В советской науке уже есть опыт подобного рода археологических исследований. Мы имеем в виду многолетние исследования сельскохозяйственной хоры античных городов Северного Причерноморья. Результаты эти столь значительны, что в зарубежных работах, в которых изучается проблема взаимоотношения города и его сельскохозяйственной территории (в масштабах всего греческого мира), отмечается, что для решения ее практически имеется только два круга археологических источников: материалы из Северного Причерноморья и Южной Италии¹.

Взаимозависимость и взаимосвязь древнего города и его сельскохозяйственной территории были столь велики, что иногда они проявляются в самых неожиданных сферах. Можно, например, сослаться на уже упомянутое исследование (в прим. 1) Р. Мартэна, в котором автор показал, что методы раздела земли в хоре и формы эксплуатации сельского населения оказывали решающее воздействие на сами принципы организации городского пространства в целом ряде античных городов. Таким образом, можно только пожелать, чтобы эта интересная и перспективная программа настойчиво выполнялась.

¹ См., например, статьи Э. Лепоре, Р. Мартэна и Я. Печирки в сб. «Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Recueil de travaux publié sous la direction de M. I. Finley», Paris — La Haye, 1973.

Точно так же большой интерес вызывает и пятый раздел статьи, в котором В. М. Массон рисует общую картину развития города древней Средней Азии, сопоставляя его, с одной стороны, с материалами более изученных регионов Востока, а с другой — указывая на роль северобактрийских материалов в понимании этого процесса. Идеи, высказываемые автором по целому ряду наиболее кардинальных проблем истории древнего среднеазиатского города, как нам кажется, намечают важнейшие направления дальнейших исследований и создают хорошую базу для дальнейших дискуссий по этой проблеме, привлекающей ныне все большее внимание исследователей². Резко возрастающее в последние годы количество материалов, характеризующих историю древнего среднеазиатского города, безусловно, породит еще не одну дискуссию относительно интерпретации этого материала.

В. М. Массон в данном разделе статьи намечает (иногда, правда, бегло, но это зависит от недостаточности имеющихся источников) пути решения следующих проблем: 1) возникновение и экспансия городской цивилизации второго порядка; 2) основные этапы развития городской культуры в Средней Азии; 3) соотношение города и сельских поселений в рамках определенных социально-экономических единиц; 4) проблема культурной интеграции в рамках урбанистической цивилизации; 5) определение понятия «город»; 6) город как система и взаимодействие составляющих ее элементов; 7) городская культура древней Бактрии и Кушанская держава.

Откликнуться на все эти вопросы вряд ли возможно в рамках рецензии, тем более что в большинстве случаев выводы автора кажутся весьма убедительными. Мы позволим себе остановиться только на некоторых вопросах.

Полностью соглашаясь с общими взглядами В. М. Массона относительно места, условий возникновения и дальнейшей экспансии городской цивилизации второго порядка на Востоке, мы, однако, должны отметить, что попытка расширить географические рамки ее на втором этапе (середина и вторая половина II тыс. до н. э.) за счет включения материалов катакомбных погребений Шахри-Сохте вряд ли удачна. Хронологический разрыв здесь столь велик³, что устанавливать связи между Аучином, Тахирбаем 3, Сапалли, Муллали, южнобактрийскими памятниками, открытыми В. И. Сарияниди, и Шахри-Сохте в Сепстане вряд ли возможно.

Конечно, для решения поставленных проблем большое значение имеет верное определение самого понятия «город». В. М. Массон принимает то определение, которое было предложено И. М. Дьяконовым: город — это центр тяготеющей к нему округи и центр специализированного ремесла, товарного и иного обмена, а также накоплений. В. М. Массон к этой характеристике (которую он называет «достаточно общей и широко распространенной») добавляет определение «крупный центр», указывая в дальнейшем на необходимость самостоятельной, на базе местного материала, выработки количественных критериев для определения именно «крупного центра»⁴. Отметим, что это определение, почерпнутое из тезисов доклада на симпозиуме «Города и торговля на древнем Востоке», в самом тексте доклада выглядит несколько по-иному⁵. Не говоря уже о том, что роль города как хозяйственного центра И. М. Дьяконовым в первую очередь рассматривается под углом зрения взаимодействия двух секторов древневосточной экономики, в новом определении добавлены следующие аспекты: 1) город как центр округи в политическом отношении, 2) город как идеологический центр. Видимо, это расширенное определение города более адекватно отражает суть явления. Отметим, что при конкретном рассмотрении проблем истории среднеазиатского города эти аспекты учитываются В. М. Массоном, однако в самоопределение они им не включены.

² См., например, Б. А. Л и т в и н с к и й, Древний среднеазиатский город. (Местные традиции и иноземные модели), в сб. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, стр. 103 сл.

³ См. М. T o s i, Shahr-i Sokhte, «Iran», vol. X, 1972, стр. 174 сл.

⁴ Для сравнения размеры греческих городов см. В. Д. Б л а в а т с к и й, Античный город, в сб. «Античный город», М., 1963, стр. 7 сл.

⁵ И. М. Д љ а к о н о в, Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура), «Древний Восток...», Ереван, 1973, стр. 30—31.

Не касаясь всех многочисленных концепций урбанизации и определений города ⁶, мы укажем только на одно, предложенное Г. Сьoberгом: город — это община значительного размера и со значительной плотностью населения, служащая убежищем различного рода несельскохозяйственных специалистов ⁷, включая образованную элиту ⁸. Это определение, конечно, менее точно и менее полно, чем те определения, которые были предложены В. М. Массоном и И. М. Дьяконовым, но в нем, на наш взгляд, содержится один нюанс, заслуживающий особого внимания — относительно роли «образованной элиты». При этом, видимо, можно думать, что роль города как идеологического центра не полностью совпадает с его ролью убежища этой образованной элиты.;

Нам кажется, таким образом, что определение города, данного В. М. Массоном, нуждается в определенных модификациях, хотя целый ряд важнейших (центральных) признаков города указан, безусловно, правильно. Некоторые другие положения автора также нуждаются в определенных уточнениях. Так, в частности, В. М. Массон очень справедливо указывает на то, что Кушанская держава создавала особо благоприятные условия для развития урбанизации. Это положение, безусловно, очень справедливое в общей форме (взаимная зависимость города и «империи», по Г. Сьoberгу) ⁹, тем не менее не может быть верным всегда. Можно сослаться на следующий пример: в ранней Парфии греческие (а также и вавилонские) города находились в оппозиции к центральному правительству ¹⁰. Видимо, не исключена возможность того, что и в Кушанском государстве, где политическая ситуация в некоторых отношениях напоминает Парфию (греческие города подчинены кочевникам и государство создается в результате завоевания), вполне возможно наличие аналогичных коллизий.

Наконец, еще одно замечание — относительно понятийной сетки древних, в частности греков. В. М. Массон отмечает, что у греков существовало хорошо развитое представление о противопоставлении города и деревни. Нам кажется, что здесь должно быть отмечено своеобразие древнегреческого противопоставления города и деревни, не совпадающего с современным. В современном противопоставлении этих двух понятий доминантой стала противопоставленность промышленного и сельскохозяйственного производства, у греков же смысл был иной: город (полис) — это самостоятельная политическая единица, автономная и суверенная, а деревня (кома) — это поселение, не являющееся таковой единицей. Для грека полис — это прежде всего коллектив граждан ¹¹, а характер поселения или поселений, в которых они обитают, имеет уже подчиненное значение. В результате этого мы встречаемся с такими явлениями, как те, о которых сообщает Фукидид (в применении к ранней Эллад): *πόλιν αὐτὴν ἀπεχισταὶ καὶ κατὰ κόμην οἰκομένην* (Thuc., I, 5, 1). Можно также сослаться на постоянно цитируемое в этой связи место Павсания (X, 4): «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский город Панопей, если его вообще можно назвать городом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимназия, ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полудезерных местах, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области

⁶ См., например, J. P. T h i r y, *Théories sur le phénomène urbain. Analyse critique et matériaux pour une théorie sociologique*, Bruxelles, 1973.

⁷ Ж. П. Тири (указ. соч., стр. 329) также особо выделяет при определении города разнообразие его населения, хотя он делает ударение не на разнообразии производственных функций, а на множестве социальных групп.

⁸ G. S j o b e r g, *The origin and evolution of cities*, «Cities: their origin, growth and human impact». With introd by K. Davis, San Francisco, 1973, стр. 19—20.

⁹ S j o b e r g, ук. соч., стр. 23.

¹⁰ Г. А. Кошелев, *Внутриполитическая борьба в Парфии (вторая половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.)*, ВДИ, 1963, № 3, стр. 56 сл.

¹¹ См., например, классическое определение Фавра (Ch. F a v r e, *Thesaurus verborum quae in titulis Ionicis leguntur cum Herodoteo sermone comparatus*, 1914, стр. 335: *Πόλις* vox non semper urbem vel oppidum, sed etiam rem publicam vel civitatem vel interdum ipsos cives significat).

с соседями, и на всефокейское собрание они также посылают своих представителей (синедров)»¹².

В статье У. Исламова сообщается о новых материалах, относящихся к каменному веку Южного Узбекистана.

Статья А. А. Аскарова «К вопросу о выделении культуры Сапалли» базируется на раскопках автора на поселении бронзового века Сапалли-тепе¹³. Автор принимает тезис В. И. Сарияниди¹⁴ о том, что памятники Дашлы 1, 3 (и другие) в Северном Афганистане, Сапалли, Муллали на юге Узбекистана, поздняя Намазга V и ранняя Намазга VI Южного Туркменистана, Гиссар IIIc, Шах-тепе IIa Северо-Восточного Ирана составляют единую культуру. Вызывает только сомнение включение автором в число памятников этой культуры Мундигака IV. Само сопоставление форм керамики, проведенное А. Аскаровым в его монографии (см. рис. 51), может только усилить эти сомнения. В связи с этим, нам кажется, нужно отказаться от того допущения, которое сделал автор относительно двух возможных исходных пунктов экспансии племен, создавших памятники этой культуры в Северном Афганистане и Южном Узбекистане, из иранского Хорасана или Южного Афганистана. Ранее высказанное В. И. Сарияниди предположение об иранском Хорасане как единственном исходном пункте на современном уровне изученности кажется много более предпочтительным.

Необходимо сделать также еще одно замечание. А. Аскаров в качестве одного из признаков, свидетельствующих о близости Сапалли с указанными выше североафганскими, южнотуркменистанскими и восточноиранскими памятниками наряду с керамикой использует и глиняные статуэтки. Он указывает, что это «является весьма существенным не только для определения хронологических рамок жизни на поселении Сапалли-тепе, но и для этнокультурных аспектов изучения происхождения этой культуры». Однако в своей монографии автор подчеркивает крайнюю малочисленность статуэток (всего один экземпляр — см. стр. 113, рис. 49), особенно изображающих человека. Этот факт, не подрывая тезиса о единстве культуры, тем не менее, как нам кажется, позволяет поставить вопрос о различиях внутри самой культуры. Ряд памятников, входящих в нее (в первую очередь Намазга), характеризует обилием произведений антропоморфной пластики, на других же (Гиссар, Сипалк) их чрезвычайно мало. В этом отношении малочисленность статуэток на Сапалли-тепе кажется очень интересной, возможно, намекающей на какие-то особые контакты этого памятника с иранскими.

Кроме того, нам представляется, что термин, предлагаемый автором, «культура Сапалли» вряд ли удачен. Более адекватно отражает сущность явления терминология, предлагаемая В. И. Сарияниди.

В статье Ш. Р. Пидяева «Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии» сообщается об археологических работах в районе Шерабада (Джан-дават-тепе и малые памятники вокруг него). Принципиальное значение этих работ заключается в том, что впервые на территории Северной Бактрии начато исследование сельских поселений и усадеб. Очень интересен памятник Пачман-тепе, датируемый серединой I тыс. до н. э. Автор раскопок высказывает предположение, что данное сооружение имеет культовый характер и, возможно, связано с культом огня. Нам представляется,

¹² См. также C. B. Welles, The Greek city, «Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni», vol. I, Milano, 1956, стр. 81 сл.; относительно племенных политических образований, липенных городских центров, но обладавших полисным статусом см. F. R o y, Tribalism in southwestern Arcadia in the classical period, «Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae», t. XX, fasc. 1—2, 1972, стр. 43 сл.

¹³ Ср. А. А с к а р о в, Сапаллитепа, Ташкент, 1973.

¹⁴ См. В. И. С а р и а н и д и, Эпоха бронзы Северного Афганистана и ее среднеазиатские связи, «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологическая секция)», Тбилиси, 1971; V. I. S a r i a n i d i, North Afghanistan in the Bronze Period, «Afghanistan», vol. XXIV, № 2—3, Kabul, 1971, стр. 35—36; В. И. С а р и а н и д и, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане, КСИА, 132, 1972, стр. 19 сл.

что имеющийся материал не противоречит данному предположению, хотя, видимо, больше оснований сближать его не с храмами Пасаргад и Персеполя, а теми памятниками, которые исследует в последние годы на юге Ирана Р. Гиршман (типа Бард-и Нешанде и Масджид и-Сулейман)¹⁵.

В статье А. Я. Шетенко «Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе» публикуется чрезвычайно интересный материал. Автором исследуется монументальное здание, датируемое первыми веками н. э., своеобразного плана, с большим количеством находок сохранившихся архитектурных деталей. Однако в статье имеются некоторые мелкие неточности. Так, в частности, на рис. 2 изображена каменная база колонны (разрез и вид сверху). Но на втором изображении нет того квадратного углубления, которое зафиксировано на разрезе и описано в тексте. Кроме того, автор пишет, что базы из помещения 5 и помещения 6 аналогичны по форме (различаются же только размерами). Сравнение же рисунков 2 и 3, 1 показывает, что это утверждение неточно. Не совсем ясна и судьба помещения 6 после перестройки. А. Я. Шетенко в одном случае говорит, что в результате этой перестройки площадь помещения сократилась почти вдвое, а в другом отмечает, что вдоль стен были возведены суфы. Эти два положения не помогает согласовать и разрез на рис. 1.

Точно так же интересные материалы публикуются в статье К. С. Сабирова и В. Н. Пилипко «Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-тепе». Во время раскопок начат разрез городской стены Зар-тепе и исследовались башни. Авторы предположительно относят возведение первой (по времени) городской стены к I в. н. э. (точнее, не позднее I в. н. э.). В ходе исследования здания, возведенного в позднекушанское время у городской стены, авторами была сделана интересная находка алтаря. Жалко, что этот любопытный алтарь не был воспроизведен в статье.

В статье Л. И. Альбаума «Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968—1972 гг.)» содержатся некоторые сведения об исследовании Фаяз-тепе, расположенного в северо-западной части городища древнего Термеза. Безусловно, огромный интерес представляют находки произведений буддийского искусства. К сожалению, в данной статье совершенно отсутствуют какие-либо планы, а число воспроизведенных сведено к минимуму. Некоторые сомнения вызывают и рассуждения автора относительно сравнительного значения двух буддийских комплексов: Фаяз-тепе и Кара-тепе. Прежде всего вряд ли они представляли единый культовый центр, ибо расстояние между ними около 1 км и они разделены городской стеной. Хотя Л. И. Альбаум и утверждает, что стена эта была построена в более позднее, нежели кушанское, время, есть веские основания считать, что она относится именно к кушанскому периоду¹⁶ и, следовательно, отделяла эти два комплекса. Некоторые сомнения также вызывают и рассуждения автора относительно размеров Фаяз-тепе и Кара-тепе. Л. И. Альбаум, как нам кажется, не учитывает того, что в состав комплекса Кара-тепе входило несколько святилищ. Кроме того, все эти сравнения до завершения раскопок обоих памятников вряд ли имеют значение.

Большой интерес вызывает статья Г. А. Пугаченковой и Б. А. Тургунсва, в которой сообщается об исследованиях на Дальверзин-тепе в 1972 г. Главным объектом раскопок было монументальное здание, которое авторы определяют как большой жилой или административно-хозяйственный дом. Также исследовались объекты ДТ-10 и ДТ-5. В последнем, являвшемся жилым домом, обнаружены фрагменты живописи,

¹⁵ R. G h i r s h m a n, Bard-é Nechande. Fouilles de la Mission Archéologique française en Iran. Printemps, 1964, «Acta Archaeologica Acad. Scient. Hungaricae», vol. 16, 1964, стр. 241—245; R. G h i r s h m a n, Bard-é Nechande — centre religieux iranien, там же, vol. 19, 1967, стр. 3—14; о н ж е, La terrasse sacrée de Masjid-i Solaiman (Iran), Campagne de 1970, CRAI, 1970 novembre-décembre, P., 1971, стр. 650—665.

¹⁶ См. В. П. Н и к о л а е в, Исследование внешнего вала городища Старого Термеза, в кн. «Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1972, стр. 62—66.

оформлявшей стены айвана, и большой клад золотых вещей (более 100 предметов). Авторы считают временем зарытия клада II—III вв. н. э. Из здания ДТ-7 происходят новые фрагменты скульптуры. Кроме того, исследовались хумхана и четыре керамические печи.

Этот весьма обширный и разнообразный материал расширит наши знания не только о самом Дальверзине, но и о всей Северной Бактрии. К сожалению, и в этой статье также дан минимум иллюстраций.

Чрезвычайно полезна статья Э. В. Ртвеладзе «Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана»¹⁷, в которой обобщаются результаты маршрутных исследований, проводившихся в Сурхандарьинской области, начиная с 1969 г. Помимо сплошного учета памятников автор в конце работы предлагает схему классификации их. Конечно, о ценности этой схемы можно будет судить только после широких раскопок на разнотипных памятниках, но при нынешнем состоянии изученности памятников эта схема, безусловно, может служить своего рода ориентиром.

В статье «К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии» Е. Г. Некрасова поставила цель дать номенклатурную схему основных форм керамики кушанского времени с привлечением материалов городищ Северной Бактрии. Предложенная Е. Г. Некрасовой номенклатурная схема в своей основе не вызывает сомнения, хотя некоторые формы, выделенные автором как самостоятельные, кажутся очень близкими вариантами одной формы (см. 2,5 и 2,12).

В сборнике также содержится статья В. А. Козловского «К изучению древних памятников материальной культуры Сурхандарьинской области», в которой дается краткий обзор основных археологических открытий, сделанных на территории Сурхандарьинской области, рассказывается об участии Областного краеведческого музея в раскопках и сообщаются некоторые сведения о коллекциях музея. Завершает сборник статья Б. Х. Батырова «Костные остатки животных из слоев кушанской эпохи на юге Узбекистана». В статье рассматриваются костные остатки, полученные при раскопках поселений Джандавлет-тепе и Хантабад-тепе. Отметим, что, кроме бухарского оленя, все остальные кости принадлежат домашним животным, из которых наиболее многочисленны кости мелкого рогатого скота.

Подводя некоторые итоги, можно утверждать, что сборник «Древняя Бактрия», безусловно, является весьма полезным изданием, дающим оперативную и доброкачественную информацию о последних результатах археологических раскопок на юге Узбекистана. Кроме того, в сборнике ясно чувствуется стремление к обобщению нового археологического материала, превращению его в исторический источник. Наиболее полно эта вторая сторона сборника представлена статьей В. М. Массона. Будем надеяться, что в дальнейших выпусках эта особенность нового издания не будет утрачена, а займет еще более заметное место. Точно так же будем надеяться, что следующие выпуски сборника будут включать информацию о раскопках на юге Таджикистана и севере Афганистана, и тогда сборник своим содержанием более полно будет отвечать своему названию. Наконец, было бы весьма желательно расширение объема иллюстративного материала.

Г. А. Кошеленко

¹⁷ См. также Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов, Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии, в кн. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, стр. 10—34.